

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДЖЕКА ВЭНСА,
ВЫШЕДШИЕ В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ
FANZON

УМИРАЮЩАЯ ЗЕМЛЯ
СКАЗАНИЯ УМИРАЮЩЕЙ ЗЕМЛИ
ЛЕГЕНДЫ УМИРАЮЩЕЙ ЗЕМЛИ

ЛИОНЕСС
САД ПРИНЦЕССЫ СУЛЬДРУН
ЗЕЛЕНАЯ ЖЕМЧУЖИНА. МЭДУК

Jack Vance

LYONESSE

THE GREEN PEARL

MADOUC

Джек Вэнс

Лионесс

т о м   II

КНИГА 2
ЗЕЛЕНАЯ ЖЕМЧУЖИНА

КНИГА 3
МЭДҮК

fanzon

МОСКВА

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
B97

Jack Vance
THE GREEN PEARL
(Lyonesse, book 2)
Copyright © 1986, 2002 by Jack Vance

MADOUC
(Lyonesse, book 3)
Copyright © 1991, 2002 by Jack Vance

Перевод *Александра Фета*
Дизайн и иллюстрация *Елены Куликовой*
Карта и древо *7Narwen*

Вэнс, Джек.

B97   Лионесс. Зеленая жемчужина. Мэдук / Джек Вэнс ; [перевод с английского А. Фета]. — Москва : Эксмо, 2024. — 992 с. — (Fantasy World. Лучшая современная фэнтези).

ISBN 978-5-04-202138-1

Короля Лионесса тревожит предсказание магического зеркала — сын Сульдрун сидит на легендарный трон вместо Казимира. Но Сульдрун родила дочь. Сомнения короля не дают ему покоя, и чародей-недоучка Висбьюме послан выведать тайну сына принцессы.

Тем временем Зеленая жемчужина — дух ведьмы Десмёи — переходит из рук в руки, неся своим хозяевам погибель. Чародей Мурген и Шимрод противостоят злобному магу Тамурелло, заманивающему их в ловушку.

Лионесс и Тройсинет лихорадит в ожидании новой войны.

Король Эйлас ведет войска в Южную Ульфляндию — его ждут стычки со ска, борьба со шпионами Казимира и поиски новой любви, а принцесса Мэдук пытается раскрыть секрет собственного рождения.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Александр Фет, перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление.

ISBN 978-5-04-202138-1

ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ЗЕЛЕНАЯ
ЖЕМЧУЖИНА

ГЛАВА 1

1

Висбьюме, ученик недавно почившего чародея Ипполито, надеялся исполнять прежние обязанности под руководством Тамурелло, но получил отказ. Тогда Висбьюме, присвоивший движимое имущество Ипполито, выставил на продажу ящик, содержавший часть этого наследства. Тамурелло бегло просмотрел содержимое ящика, заметил несколько интересовавших его вещей и уплатил столько, сколько запросил Висбьюме.

На дне ящика лежали обрывки древней рукописи. Когда слухи о покупке Тамурелло случайно достигли ушей ведьмы Десмёи, той пришло в голову, что эти фрагменты могли заполнить прорехи в манускрипте, текст которого она давно пыталась восстановить. Десмёи незамедлительно отправилась в усадьбу Фароли в Тантрэвальском лесу, где обосновался Тамурелло, и попросила разрешения просмотреть остатки рукописи.

Тамурелло великодушно разложил перед ней драгоценный хлам:

— Это недостающие куски?

Десмёи наклонилась к потемневшим обрывкам пергамента:

— Они самые!

— В таком случае они твои! — объявил Тамурелло. — Прими мои поздравления и возьми их с собой.

— Так и сделаю — с благодарностью! — отозвалась Десмёи. Складывая фрагменты в портфель, ведьма краем глаза изучала стоявшего рядом чародея.

— Странно, что мы никогда раньше не встречались, — заметила она.

Улыбнувшись, Тамурелло согласился:

Лионесс

— Мир велик и разнообразен — на каждом шагу нас подстерегают новые впечатления и знакомства, главным образом приятные. — Чародей галантно поклонился, не оставляя сомнений в том, что имеет в виду свою гостью.

— Хорошо сказано, Тамурелло! — отозвалась Десмёи. — Признаюсь, не ожидала от тебя такого великодушия и такой любезности.

— В свое время все находит полезное применение. Не желаешь ли немножко выпить и закусить? Вот чудесное вино, его делают из сока, выжатого в Альхадре.

Поначалу они обсуждали интриговавшие их концепции и условия бытия. Десмёи, находившая, что исходящая от Тамурелло жизненная сила стимулирует ее способности, решила сделать чародея своим любовником.

Тамурелло, всегда готовый к чему-то новому, не возражал. Его энергия не уступала страстной увлеченности Десмёи, и на протяжении нескольких месяцев их отношения можно было назвать близкими и безоблачными. Тем не менее со временем Тамурелло все острее ощущал, что ведьме не хватало — причем возмутительно не хватало — беспечности и грации. Его привязанность стала все чаще сменяться холодностью, что вызывало у Десмёи мучительную тревогу. Поначалу она предпочитала истолковывать такие приступы безразличия как уловку пресыщенного любовными утехами баловня, призванную заново разжечь угасающее пламя страсти. Ведьма тоже принялась изобретать всевозможные хитрости, чтобы привлечь его внимание.

Но Тамурелло становился нечувствительным к ее докучливым ухаживаниям. Десмёи проводила в его обществе долгие часы, анализируя различные стадии их взаимоотношений, в то время как Тамурелло пил вино и угрюмо смотрел в окно, разглядывая кроны деревьев.

Десмёи поняла, что вздохи и сентиментальные рассуждения больше не действовали на чародея. Лесть равным образом оставляла его равнодушным, а упреки только наводили на него скуку. Раздраженная и уязвленная, Десмёи вскользь упомянула о бывшем любовнике, причинявшем ей неприятности, и намекнула на злоключения, с тех пор неизменно преследовавшие ее незадачливого кавалера. Наконец ей удалось снова привлечь внимание Тамурелло! Она тут же сменила тему разговора, вспомнив о вещах забавных и безобидных.

Тамурелло решил проявить предусмотрительность, и некоторое время ведьме не на что было пожаловаться.

ЗЕЛЕНАЯ ЖЕМЧУЖИНА

Проведя утомительный месяц, Тамурелло понял, что больше не может изображать пылкость с остекленевшими от скуки глазами. Он снова стал избегать общества Десмёи, но теперь она лучше понимала, какими побуждениями он руководствуется, и быстро сломила сопротивление.

Отчаявшись, Тамурелло уединился в лаборатории и произнес малоизвестное заклинание, напустившее на Десмёи порчу опустошности и томления, действовавшую подспудно и настолько ненавязчиво, что ведьма не заметила, когда и как начало изменяться ее мироощущение. Мало-помалу ведьма теряла интерес к жизни, к ее убогой суete, тщетным устремлениям и бессмысленным удовольствиям — причем была настолько убеждена в самопроизвольности и обоснованности ее отчуждения, что ей не приходила в голову даже возможность внешнего влияния. С точки зрения Тамурелло, его подход к решению проблемы увенчался успехом.

Некоторое время Десмёи бродила в мрачной задумчивости по просторным, наполненным морским ветром залам своего прибрежного дворца на окраине Итса и в конце концов решилась покинуть этот мир и тем самым прервать неизбывную тоску существования. Она приготовилась к смерти и вышла на террасу, чтобы в последний раз полюбоваться на закат.

В полночь полупрозрачная сфера, наполненная скорбным прощальным посланием, поднялась над ее дворцом, перелетела горы и опустилась в Фароли. Но рассвет не принес ответного сообщения.

Десмёи долго размышляла о возможных причинах молчания Тамурелло и наконец стала подозревать наличие связи между его отчуждением и ее безнадежным состоянием.

Да, она приняла безвозвратное решение покончить с собой. Но приближение конца обострило ее чувства, и Десмёи сумела разработать изумительную последовательность заклинаний и рецептур, доселе неслыханную среди чародеев.

Трудно сказать, какими именно побуждениями она руководствовалась в эти последние минуты жизни, так как мысли ее были поглощены расплывчатыми, сверхъестественными видениями. Несомненно, она стремилась отомстить погубившему ее предателю — но, судя по всему, помимо ненависти и озлобления ею двигали творческие прозрения. Так или иначе, ей удалось создать пару шедевров. Возможно, она надеялась, что ее порождения получат признание как отображения ее идеализированной внутренней сущности и что красота этих творений, а также их символическое значение окажут воздействие на Тамурелло.

Лионесс

С учетом дальнейших событий¹ приходится сделать вывод, что Десмёи добилась лишь сомнительного успеха в своем начинании и что в конечном счете восторжествовал — если в данном случае применимо такое выражение — не кто иной, как Тамурелло.

Стремясь к достижению своих целей, Десмёи пользовалась самыми различными материалами, в том числе морской солью, горстью земли с вершины горы Хамбасте в Эфиопии, различными выделениями и пастообразными смесями, а также элементами, составлявшими ее самоё. Так она породила двух чудесных существ, два образца телесной красоты и умственных способностей. Порождение женского пола звали Меланкте, мужского пола — Фод Карфилиот.

Но этим дело не кончилось. Пока два новоиспеченных существа стояли в лаборатории, обнаженные и еще почти лишенные сознания, осадок, остававшийся в магической колбе Десмёи, выпарился, выделив вонючий зеленый дым. Почувствовав отвратительный вкус во рту, Меланкте отшатнулась и выплюнула яд. Карфилиоту, однако, зеленый смрад доставил удовольствие, и он жадно вдохнул его.

Через несколько лет замок Тинцин-Фюраль пал, осажденный армиями Тройсинета. Карфилиота схватили и вздернули на осо-бой высокой виселице, чтобы значение происшедшего не ускользнуло от внимания как Тамурелло в усадьбе Фароли на востоке, так и короля Казимира в Лионессе на западе.

В свое время тело Карфилиота спустили с виселицы и бросили на погребальный костер, где оно обугливалось под музыку волынок и флейт. Посреди торжества из пламени вырвался клуб зловонного зеленого дыма; ветер подхватил его и унес вниз по долине в морские просторы. Там он, однако, не рассеялся, а сгустился, извиваясь над барашками волн, впитывая соленые брызги и становясь все плотнее, пока не превратился в зеленую жемчужину. Жемчужина утонула и улеглась на морское дно, где через некоторое время ее нашел и проглотил большой палтус.

2

Южная Ульфляндия омывалась морем от Иесса на юге до Суараха на севере — череда галечных пляжей и скалистых мысов тянулась под мрачноватыми и по большей части безлюдными

---

¹ См. их подробное описание в книге I, «Сад принцессы Сульдрун».

ЗЕЛЕНАЯ ЖЕМЧУЖИНА

холмами. Тремя лучшими гаванями здесь считались Исс, Суарах и находившийся примерно посередине между ними Оэльдес. Других мест, удобных для стоянки кораблей, на побережье было мало, если не считать небольших бухточек, защищенных крутыми, загнутыми наподобие крюков мысами.

В двадцати милях к югу от Оэльдеса в океан выступала скальная гряда, при содействии каменного волнолома создававшая убежище для нескольких дюжин рыбацких лодок. Вдоль берега небольшой гавани ютились строения деревни Минольт — россыпь узких каменных домов и пара таверн на рыночной площади.

В одном из таких жилищ прозябал рыбак Сарлес — черноволосый приземистый человек, широкий в бедрах, с выпуклым брюшком. Круглое лицо его, бледное и рассеянное, всегда озабоченно хмурилось, словно в его представлении обстоятельства жизни противоречили логике.

Цвет молодости Сарлеса давно увял, но годы более или менее прилежного труда не позволили ему добиться благополучия. Сарлес обвинял судьбу, считая, что ему вечно не везло — хотя, по мнению его супруги Либы, склонность Сарлеса к праздности играла не меньшую роль.

Сарлес выволакивал свою лодку «Преваль» на гальку перед самым входом в дом, что было удобно. Старое суденышко, унаследованное им от отца, порядком износилось, в нем каждый шов протекал и каждый стык ходил ходуном. Сарлес прекрасно понимал недостатки «Превала» и выходил в море под парусом только в хорошую погоду.

Либа, подобно мужу, отличалась полнотой. Будучи старше Сарлеса, она проявляла, однако, гораздо больше энергии и нередко спрашивала его:

— Почему ты сегодня не рыбачишь, как все?

На что Сарлес отвечал что-нибудь в таком роде:

— Ближе к вечеру ветер покрепчает; юферсы вант на бакборте не выдержат.

— Так почему ж ты не обновишь юферсы? Делать-то тебе больше нечего!

— А, что ты понимаешь в оснастке! Все всегда рвется в самом слабом месте. Если я починю юферсы, расплзутся ванты — налетит шквал и, глядишь, днище пробьет степсом.

— В таком случае замени ванты, а потом почини пояса обшивки.

— Легче сказать, чем сделать! Я только потеряю время и опять пущу деньги на ветер.

Лионесс

— В таверне ты тоже теряешь время — и деньги пускаешь на ветер пригоршнями!

— Хватит, помолчи! Где еще я могу отдохнуть?

— Отдыха ему не хватает, видите ли! Все вышли в море, а ты сидишь на солнышке, мух считаешь! Твой двоюродный брат Джунт отчалил перед рассветом — и вернется с сетями, полными макрели. Почему бы тебе не делать то же самое?

— У Джунта не болит спина, — ворчал Сарлес. — Кроме того, у него «Лирлу», добротная новая лодка.

— Рыбу ловит рыбак, а не лодка. У Джунта улов в шесть раз больше твоего.

— Только потому, что ему помогает сын Тамас.

— Значит, каждый из них ловит в три раза больше твоего.

— Либа, когда ты научишься держать язык за зубами? — воскликнул разгневанный Сарлес. — Я бы сию минуту ушел в таверну, если б у меня осталась хоть одна монета!

— Денег у тебя нет, а времени по горло — иди, чини «Преваль»!

Воздев руки к небу, Сарлес спускался наконец на пляж и оценивал недостатки своего судна. Так как ему действительно было нечего делать, он вырезал новый юферс для вант. Счасти были ему не по карману, в связи с чем он затягивал внахлест несколько узлов, уродливых на вид, но предохранявших ванты от разрыва.

Так продолжалось его существование. Сарлес кое-как поддерживал «Преваль» в состоянии, позволявшем не пойти ко дну, но отваживался выходить в море, маневрируя среди рифов и скал, только в оптимальных условиях, каковые возникали не часто.

Однажды даже Сарлес обеспокоился. Когда к берегу подул легкий бриз, он вышел из гавани на веслах, поднял шпринтовый парус, установил бакштаг, поправил шкотовые узлы и, бодро разрезая носом поперечные валы, направился к рифам, где всегда было больше всего рыбы...

«Странно! — подумал Сарлес. — Почему бакштаг провисает, если я его только что подтянул?» Изучив причину этого явления, он обнаружил обескураживающий факт: ахтерштевень, служивший опорой штагу, настолько проходился под воздействием времени и древоточцев, что собирался вот-вот обломиться, не выдержав натяжения, — и тем самым причинить настоящую катастрофу.

Широко раскрыв глаза, Сарлес сжал зубы в бессильном раздражении. Теперь починку уже нельзя было откладывать — предстояли долгие часы утомительного труда, причем жена не позволила бы ему ни бездельничать, ни опрокинуть кружку-другую в таверне,

ЗЕЛЕНАЯ ЖЕМЧУЖИНА

пока ремонт не будет закончен. Для того чтобы заплатить за новые снасти, ему, может быть, пришлось бы даже выпросить место на борту «Лирлу» — что, опять же, было чрезвычайно утомительно, учитывая привычку Джунта вставать спозаранку.

Сарлесу не оставалось ничего лучшего, как переместить бакштаг к одной из кормовых крепительных планок — в такую спокойную погоду, как сегодня, этого должно было быть достаточно.

Сарлес рыбачил пару часов, но за все это время поймал только одного большого палтуса. Пока он чистил рыбу, ее желудок порвался, и на палубу выкатилась великолепная зеленая жемчужина — Сарлес никогда не видел ничего подобного! Поражаясь своей удаче, он снова закинул сети, но бриз становился свежее, и Сарлес, озабоченный состоянием импровизированного бакштага, намотал якорную цепь на кабестан, поднял парус и взял курс на гавань Минольта. Возвращаясь к берегу, он любовался прекрасной зеленой жемчужиной — одно прикосновение к ней вызывало приятную дрожь.

Лодка ткнулась носом в гальку; Сарлес вытащил ее на пляж и пошел домой, но тут же наткнулся на кузена Джунта.

— Надо же! — воскликнул Джунт. — Еще не полдень, а ты уже вернулся? Что ты поймал? Одну камбалу? Сарлес, если ты не возьмешь себя в руки, ты помрешь в нищете! «Преваль» давно нуждается в капитальном ремонте. Почини лодку и работай не покладая рук, чтобы скопить что-нибудь на старость.

Уязвленный критикой, Сарлес отозвался:

— А ты что тут делаешь? Почему твой хваленый «Лирлу» еще не в море? Испугался ветерка?

— Еще чего! Я бы уже давно рыбачил — только «Лирлу» надо бы подcekанить и просмолить заново.

Как правило, Сарлес не злобствовал, не бранился и не позволял себе возмутительные выходки — его худшими пороками были праздность и угрюмое упрямство перед лицом попреков супруги. Теперь, однако, возбужденный приступом злонамеренной изобретательности, он сказал:

— Что ж, если тебе так не терпится рыбачить, вот «Преваль» — поднимай парус, торопись к рифам и закидывай сети, сколько твоей душе угодно!

Джунт презрительно хмыкнул:

— Я привык плавать на добротной лодке, а это что? Развалюха! И все же поймаю-ка я тебя на слове. Такой уж я человек — не могу заснуть, пока не привезу хороший улов.

Лионесс

— Удачи! — сухо напутствовал его Сарлес и направился по пристани к рынку. Он не преминул заметить, что направление ветра изменилось — теперь он дул с севера.

На рынке Сарлес удачно продал большого палтуса, после чего задумался. Вынув жемчужину из кармана, он рассмотрел ее внимательнее: красивая штуковина, хотя ее необычный зеленый блеск вызывал — в этом невозможно было не признаться — какую-то тревогу и неприязнь.

Лицо Сарлеса покосилось странной, бессмысленной ухмылкой, и он спрятал жемчужину в карман. Широкими шагами он направился в таверну, где опрокинул в глотку добрых полпинты вина. За первой кружкой последовала вторая, и как только Сарлес к ней приложился, к нему прилип один из завсегдатаев, некий Джульям:

— Как дела? Сегодня не рыбачишь?

— Сегодня не получится — спина побаливает. Кроме того, Джунт хотел занять у меня «Преваль», так я ему и говорю: «Давай, закидывай сети всю ночь, если тебе так приспичило!» Он и отправился в море на старом добром «Превале».

— Щедро с твоей стороны!

— А почему не пособить? В конце концов, он мой двоюродный брат — нет ничего крепче кровных уз.

— И то правда.

Сарлес покончил с вином, вышел из таверны и прогулялся до конца волнолома. Вглядываясь в горизонт, он нигде не видел залатанный желтоватый парус «Превала» — ни на севере, ни на западе, ни на юге.

Отвернувшись, он стал возвращаться. На галечном пляже другие рыбаки уже вытаскивали свои лодки. Сарлес спустился к ним и навел справки по поводу Джунта:

— Хотел ему помочь от всей души и позволил взять «Преваль», хотя предупредил, что ветер крепчает. Хорошо, если бы это был западный ветер, а то поддувает-то с севера!

— Час тому назад Джунт стоял на якоре у Сривного рифа, — отозвался старик, чинивший сеть. — Его хлебом не корми, дай порыбачить!

Сарлес озабоченно смотрел в море:

— Так-то оно так, но что-то я его не вижу. Ветер меняется; если он скоро не вернется, с ним может случиться беда.

— Не беспокойся! Джунт — старый морской волк. На таком крепком судне, как «Лирлу», ему сам черт не страшен, — заметил рыбак, тащивший лодку на берег.

ЗЕЛЕНАЯ ЖЕМЧУЖИНА

Старик, чинивший сеть, громко хохотнул:

— А вот и нет! Джунт сегодня вышел на «Превале».

— А-а! Это совсем другое дело. Сарлес, тебе следовало бы заняться починкой.

— Да-да, — пробормотал Сарлес. — Всему свое время. Я не могу ходить по воде и одновременно доставать из носа золотые монеты.

С заходом солнца Джунт еще не вернулся в Минольт. В конце концов Сарлес сообщил о происходящем супруге:

— Сегодня у меня ломило в спине, я не мог рыбачить слишком долго. В приступе щедрости разрешил ему взять мою лодку. Он еще не вернулся. Боюсь, его отнесло на юг вдоль берега — того и гляди, разобьет он мой «Преваль» о скалы! Что ж, надо полагать, я заслужил урок своим мягкоксердечием.

Либа изумленно уставилась на него:

— Ты о себе вздыхаешь? А о Джунте, о его семье ты не подумал?

— Его судьба меня беспокоит так же, как судьба моей лодки. Это само собой. Но я тебе еще не рассказал о нашей невероятной удаче.

— Неужели? У тебя прошла спина, и ты наконец сможешь работать? Или ты потерял вкус к выпивке?

— Либа, придержи язык — или получишь оплеуху, что звезды из глаз посыплются! Надоели твои глупые шутки.

— Так что же, какая такая удача тебе привалила?

Сарлес показал ей жемчужину:

— Что ты об этом думаешь?

Либа пригляделась к драгоценности:

— Гм. Любопытно. Никогда не слыхала о зеленых жемчужинах. Ты уверен, что она не поддельная?

— Почему бы она не была поддельная? За кого ты меня принимаешь? Эта штуковина стонет кучу денег!

Либа отвернулась:

— У меня от нее муряшки по коже.

— Вот, так всегда. Никакого толку от тебя нет! Где мой ужин? Что? Опять каша? Почему ты не могла приготовить наваристый суп, как делают в приличных семьях?

— Я что, чудеса должна творить? В кладовке-то пусто! Если бы ты ловил побольше рыбы и поменьше насасывался в трактире, у нас было бы что подать на стол.

— А! Ерунда. Теперь все будет по-другому.